Татьяна ДОРОНИНА — Ответ на обращение читателя — для кого я работаю

Сов. Россия — 1993 - 11 сент.

А ЗВЕЗДЫ ОСТАНУТСЯ

19.

А КАК вам сегодня «шагается» по Москве? Кого встречаете? Что видите? Наконец, что пьете и что едите, что покупаете и что на вас надето?

Чистая, весенняя Москва, с ее обитателями, которые умели работать, уважать чужие чувства и любоваться красотой своего города и прелестью человеческих чувств, ушла и стала историей, почти такой же недосягаемой, как Москва пушкинского времени. Сегодня по выдолбленным тротуарам испуганно спешат те, которых обворовали, обманули красивыми лозунгами об истинно демократическом государстве и запустили бегать по кругу в этаком не имеющем ни начала, ни конца очередном колесе.

По какому городу свершается сей бег? Какому государству принадлежит город Москва? Что за люди ее населяют? На каком языке говорят? Это уже фантасмагория, это выход к тому пределу, название которому безумие. Ибо названия магазинов, ресторанов, учреждений — никому из бегущих непонятны. Улица кричит ярко, безвкусно и нагло о макдональдсах, пепси, сигаретах, винах, парфюмерии, одежде и обуви, но те, которые бегут — не могут ничего приобрести, купить, попробовать, примерить, а уж тем более надеть на себя вот этот костюм из синего шелка с почти золотыми пуговицами. И стоит моя бедная россиянка в центре родной страны, поставила сумку с картошкой на тротуар, чтобы передохнуть, и смотрит на это синее и недоступное ей чудо, а в глазах унижение и боль. А мимо — такие же, как она, униженные и растерянные, одетые в яркие, чудовищные спортивные костюмы из синтетики (ширпотреб третьего мира), и душно, и потно, и грязно, и стыдно...

Итак — встречаем на улице неизвестно теперь какого названия стариков и старух, которые несут в пакетиках из целлофана четвертушки хлеба, детей с сигаретами, девочек в юбчонках до пупа, мужчин с затравленными глазами, иностранцев из самых разных цивилизованных и совсем не цивилизованных стран.

Что пьем? Все. Все, что можно и что совсем нельзя. Мечтаем о водке с надписью на русском языке. Когда повезет, покупаем «Кристалл», надпись по-польски.

Что едим? Макароны, вермишель, картошку, хлеб.

Что покупаем? Ничего. Перешиваем пуговицы и штопаем колготки. Верх, предел, почти вызов судьбе — корейский ширпотреб в весьма ограниченных количествах.

Куда ходим, где гуляем? На митинги, где нас бьют, топчут и называют шваль.

Что читаем? Только газеты. Ищем в завалах между инструкциями по сексу и советами колдунов — те газеты, которые не врут про то, как здорово мы живем.

Что дома? А какого дома? А может, это уже не ваш дом? А может, вы и не жили никогда в этом доме? Да нет — вот же. Это наш подъезд, правда, его пять лет не убирают. Деньги за уборку? Плачу, конечно, плачу. Только почему-то когда не платили за уборку, то подъезды были чистые. Это у вас решетки на окнах? Нет, это у соседей, они коммерсанты, они могут, мы не можем — решетки дорогие...

Идем по грязной лестнице, мимо железных, медных, стальных и фанерных дверей, входим в свой дом, варим макароны и включаем «ящик». И тут самое интересное, тут диалог с ящиком по поводу нашей «красивой и полной событий жизни». Каков диалог? А вот каков.

Диктор: «Такой-то отбыл туда-то и сказал там-то-то». Гуманитарная помощь обещана, миллионы обещаны. Лекарства для детей обещаны. Приватизация процветает. Покупайте «мерседесы», нет лучше БМВ, нет лучше новейшие марки японского рынка. И обязательно «сникерс». Нет, ба-ун-ти... Сербия, Хорватия... Покупайте шампунь... Ах, у меня перхоть... Авария. Еще авария. Погибло столько-то. Покупайте то, что вам так нужно в секс-шопе. Опять Хусейн. Прическа Клинтона. Счастье — наконец у нас Майкл Джексон. Собрание некоей партии. Глеб Якунин с лицом праведника... Мыло... Роскошный подарок из Парижа...

А теперь — «Момент истины». Советский человек, давясь макаронами, говорит сугубо русский непереводимый ни на какой язык текст — это ответ ящику. На экране возникает круглое лицо с круглыми честными, правдивыми глазами. Ах, как изящен красный пиджачок и как идет к нему красный микрофончик. Вопрос того, что весь красный: «Вы меня боитесь?..»

Да, господин Караулов. Будьте уверены, радуйтесь, торжествуйте. Скоро вы будете брать интервью у самого Господа. Я не удивлюсь. Вы победитель. Вам подвластен космос, что касается планеты—она давно у вас в красном кармане красного пиджачка.

Свое «ну очень смешное» название вы придумали в 37-м году, когда писали статью в «Огонек». Статья была о разделе, вернее развале, МХАТа, навали вы вашу залипуху «Моментом истины». Один из порядочных людей предупредил меня о вашем опусе. На собрании коллектива МХАТа я сказала об этом. Вы почему-то оказались в зале во время нашего собрания, вы встали и так же честно и прямо, с присущей вам нежной стойкостью, заявили, что такой статьи нет. Через день вышел журнал, ваш «Момент истины» начал свой наступательный марш по странам и весям.

Несколько человек подали в суд за искажение вами их текста, который вы подавали как прямую речь. Вы в суд не явились. Таково начало.

Я надеюсь, что вы не рассердитесь на меня, не будете мне мстить весьма доступными вам средствами. Ведь я вас признала победителем, ведь я сказала о вашей честности и о таком красивом пиджачке...

ІІТАК, что же такое наша сегодняшняя жизнь и что это такое—наша интеллигенция. Отвечаю — интеллигенция—это те, которые называют себя интеллигентами. Как пояснил мне Михаил Ульянов на заседании правления СТД — «Мы интеллигентная организация» и стукнул кулаком по столу. Другие интеллигенты, которые сидели за этим столом и являлись, оказывается, членами президиума правления СТД — были мне неизвестны. Это естественно. Я не была интеллигенткой, я была неким мешающим обстоятельством, от которого надо избавиться. И избавились. Все, за исключением Анатолия Смелянского и еще двух дам, имена которых я называть не буду, были мне незнакомы. Я думаю, они были незнакомы никому, кроме Смелянского. Как они стали президиумом, я не знаю. Бывший актерский союз под названием ВТО был монополизирован не актерами, не режиссерами, а деятелями театра».

Деятель, надо полагать, это тот, кто действует, работает, играет на сцене. И определять их жизнь должны люди, вкусившие этот горький хлеб актерского ремесла. Но оказалось, что это не так. Определять нашу актерскую жизнь должны очень «интеллигентные и незнакомые» во главе с Анатолием Смелянским.

Уважаемый Анатолий Миронович, и вы простите меня. Я вас тоже боюсь почти так же, как Караулова. У вас почти все газеты, журналы, вы преподаете в нашей, вернее бывшей нашей, Школе-студии МХАТа, там преподает ваша жена и даже, говорят, ваша дочь, вы постоянно вылетаете за рубеж и рассказываете там о МХАТе, Станиславском, Булгакове! Говорят, вы очень умный и очень, очень интеллигентный. Вас слушают все члены коллегии критиков (если есть такое название). Ведь вы посещаете даже Америку вместе с Агишевой и Верой Максимовой. Вы тоже победитель, ваша книга «Булгаков во МХАТе» — первое детище вашего издательства. Вы — это истинный деятель театрального союза. Не сердитесь, не сходите с ваших заоблачных высот громовержца. Будьте снисходительны к женщине, у которой предки «сто лет хоров доили». Ведь именно так вы определили мои скромный удел. Вы правы. Все мои прадеды и прабабки только и делали, что пахали, сеяли, косили, жали и доили коров. Они не были так интеллигентны, но в отличие от вас они верили в Господа и знали заповеди: не убий, не укради, почитай — далее по тексту известной, может быть, вам книги. Да еще есть такое: «не солги».

В вашей изумительной заметочке про коров и про раздел МХАТа вы пишете: «Во мне — раздел Художественного театра. Не раздел, а раздом, произведенный в порядке эксперимента (как вся наша история) при непосредственном участии Политбюро, правительства Советского Союза и других не менее важных органов клонившейся к упадку империи». Прекрасно сказано. Мощно. Почти формула. Вы наверняка скоро осчастливите человечество новым опусом о «клонившейся к упадку империи». Но вы не говорите главное, что этот раздел и разлом осуществляли вы сами на глазах всего коллектива. Вы говорили о необходимости того, что потом назвали «полостной операцией». А что касается высоких органов — они ведь, наверное, только утвердили то, что было подано с вашей «интеллигентной» подачи.

А дальше, я думаю, вы травили нас — тех, которые оказались на Тверском бульваре. Вы говорили режиссерам, чтобы они не ставили у нас спектакли, вы запускали своих послушных коллег на написание разгромных рецензий на наши спектакли, вы в «Московских новостях» изящно пили кофе вместе с «известинцами», вы — бывший завлит Театра Советской Армии, в тот самый период, когда числился солдатом в этом театре честный и простодушный Андрей Караулов.

В вашей статье про коров (замечательная статья, я ее почти выучила наизусть) есть еще историческая, литая фраза: «Что происходит на Тверском, судить не берусь, что творится сейчас в четвертом энергоблоке Чернобыльской станции?» Сильно сказано, чувствуется ваша боль и за наш театр, и особенно за Чернобыль.

Но по факту получается следующее: вопреки желанию основоположников — назвали МХАТ в Камергерском, т. е. наш дом, учениками коего мы все являемся,—МХАТом им. Чехова, но повесили портрет Чехова над общественным туалетом рядом с театром. В театре разместили два ресторана (один—ночной, вдобавок), в буфетах во время спектаклей продается водка. Скульптура, изображающая Станиславского и Немировича-Данченко, напоминает злую пародию, скульптура Пушкина по смыслу сродни произведению под названием «Прогулки с Пушкиным».

За годы после раздела во МХАТе им. Чехова вы сами определили в репертуаре единственную творческую победу — пьесу о Генделе и Бахе в постановке режиссера, имени которого вы даже не удосужились упоминать. Театр потерял главное, то, что было в основе создания МХАТа, — интеллигентность, культуру, этику взаимоотношений и, наконец, теряет школу актерского искусства. И это при постоянной поддержке правительства, СТД, министерства. Театр сдается под различные презентации, спектакли отменяются. Может быть, именно эти деяния следует назвать аналогом Чернобыльской катастрофы, хотя я на вашем месте не стала бы оперировать подобными аналогиями, ибо грех.

ПОСЛЕ «полостной операции» у нас во МХАТе имени Горького осталось несколько старых спектаклей и почти полное отсутствие режиссуры. Но нам удалось сохранить и «Три сестры», и «Синюю птицу», и «На дне». Замечательные режиссеры Борис Покровский, Алексей Данченко, Андрей Борисов — главные режиссеры ведущих театров страны—поставили у нас Пушкина, Чехова, Распутина. За шесть лет мы создали новый репертуар на двух сценах, и сегодня именно МХАТ им. Горького на Тверском играет «Белую гвардию», «Полоумного Журдена» и «Зойкину квартиру» Михаила Булгакова. К юбилею Островского именно МХАТ им. Горького поставил пьесу «Лес». Это у нас идет с успехом пьеса Малягина «Аввакум» и аристофановские «Женщины в народном собрании». В течение шести лет вынести глумление, травлю, оскорбления, ложь и наветы — непосильно, трудно. Уйти из жизни замечательные мхатовские мастера — Анастасия Георгиевская, Михаил Зимин, Николай Засухин, Петр Чернов. Вы не явились, чтобы отдать последнюю дань прощания. Вы никогда не любили МХАТ, вы вообще не любите никаких театров, презираете актеров, публика для вас быдло. Потому что если бы было иначе, вы не свершили бы столь успешно «развал и разгром».

И еще. И это уже не к вам обращено, а к зрителю — с момента раздела именно МХАТ им. Горького занял первое место по стране по всем показателям, а главное, по посещаемости зрителей. И сохраняем мы своего зрителя уже шесть лет. Это примите не как хвастовство, а как аргумент в споре с «интеллигентом смелянского образца».

Итак, об интеллигентах сегодня. О падении «совковой» (какое «любовное» к своей истории словообразование) интеллигенции. Нельзя определять, называть интеллигентами тех, которые разрушают, травят, лгут, призывают к расправам над неугодными, заискивают перед власть имущими. В истории нашей отечественной культуры подобные поступки определены как «бесовщина». Интеллигентами были и остались те, которые не вошли в обойму «громкоговорящих» и «громкопишущих». У нас сегодня четкие маяки — наши современники: Галина Уланова, Георгий Свиридов, Валентин Распутин и миллионы тех, которые хотят, чтобы совесть, правда и честь были всегда основополагающими понятиями, определяли наше общение друг с другом, чтобы на этих понятиях воспитывали наших детей.

Интеллигентом истинным является Виктор Лосев, с предисловием и комментариями которого вышла сейчас великая книга с подзаголовком «Из лучших произведений Михаила Булгакова».

Так вот, интеллигент из интеллигентов, истинный сын своего многострадального Отечества Михаил Афанасьевич Булгаков сказал: «Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Мечи исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?»

Обращенный к Богу взгляд, «обращенная» душа — единственное нравственное мерило во все века.

Наверное, каждый, читая эти тревожные, полные боли душевной, искренние строки талантливой русской актрисы, не в силах уйти и от магии образов, созданных ею. Вереницей пройдут пред нами ее героини из спектаклей и фильмов — «Фабричная девченка», «Три тополя на Плющихе», «Старшая сестра», «Мачеха»... И всколыхнет наше сердце волна благодарности и любви, гордость за то, что живет и творит на родной земле талант русской актрисы. Талант красоты и душевной мужественности, стойкости русской и нежности женской, актрисы, сумевшей в годины напасти стоять как скала, защищая традиции русского театра.

Спасибо, Татьяна Васильевна. Вы сохранили для нас и потомков сокровище МХАТа. Вы дали надежду — наш русский театр неподвластен разрухе. Вы в нас утвердили — талант на Руси неподкупен. Спасибо. Примите от нашей газеты любовь и поклон. Да будет сжить Ваш прекрасный талант многие лета.